

= ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ =

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-2-194-200

Дата принятия рукописи в печать: 12.03.2026 г.

ГОНЧАРОВ Михаил Александрович,
аспирант кафедры уголовно-правовых
дисциплин и правоохранительной деятельности
Московского университета «Синергия»,
г. Москва, Россия,
e-mail: Shipra@yandex.ru

ОТМЕНА СРОКОВ ДАВНОСТИ ПО ДИВЕРСИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация. Предметом исследования выступают теоретико-правовые и прикладные аспекты законодательных изменений, внесённых Федеральным законом от 17 ноября 2025 года №420-ФЗ в сферу уголовно-правового противодействия диверсионным преступлениям. Анализируются проблемы отмены института давности уголовного преследования по ст. 281 УК РФ, введения пожизненного лишения свободы за квалифицированные составы диверсии, расширения перечня деяний, исключающих применение условного осуждения. Исследуются вопросы соответствия указанных нововведений конституционным принципам *nullum crimen sine lege*, международным стандартам справедливого судопроизводства и процессуальным гарантиям права на защиту в условиях возможности ретроспективного применения законодательства, ухудшающего положение лица.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания: формально-догматический метод применялся при анализе нормативной конструкции ст. 281 УК РФ и взаимосвязанных положений ст. 78, 73 УК РФ; системно-структурный подход использовался для определения места диверсионных преступлений в системе особо тяжких государственных преступлений; сравнительно-правовой метод позволил провести компаративный анализ санкций за диверсию в законодательстве ФРГ и Франции; доктринальный метод включал анализ научных позиций относительно принципа индивидуализации наказания и института давности; эмпирические методы охватывали изучение практики Европейского суда по правам человека.

Научная новизна исследования заключается в комплексной доктринальной разработке проблематики балансирования интересов национальной безопасности и фундаментальных прав личности при имплементации норм об отмене давностных сроков по диверсионным преступлениям. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства: введение в ст. 10 УК РФ нормы о недопустимости ретроспективного применения положений об отмене сроков давности; дифференциация возможности условного осуждения в зависимости от квалифицирующих признаков диверсии; дополнение УК РФ новой ст. 76.3 об освобождении от ответственности за диверсию при деятельном раскаянии; корректировка санкции ч. 3 ст. 281 УК РФ с ограничением пожизненного лишения свободы случаями умышленного причинения смерти; установление повышенного стандарта доказывания по делам о диверсиях, расследуемых спустя значительное время.

Ключевые слова: диверсия, сроки давности уголовного преследования, условное осуждение, пожизненное лишение свободы, национальная безопасность, принцип индивидуализации наказания, ретроспективное применение закона, международные стандарты правосудия.

GONCHAROV Mikhail Alexandrovich,
PhD Student,
Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Synergy University of Moscow, Moscow, Russia

ABOLITION OF LIMITATION PERIODS FOR SABOTAGE CRIMES: COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL STANDARDS OF JUSTICE

Annotation. *The subject of the study is the theoretical, legal and applied aspects of legislative changes made by the Federal Law of November 17, 2025 No. 420-FZ in the field of criminal law counteraction to sabotage crimes. The problems of canceling the institution of statute of limitations for criminal prosecution under Art. 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, the introduction of life imprisonment for qualified compositions of sabotage, expanding the list of acts that exclude the use of probation. The issues of compliance of these innovations with the constitutional principles of nullum crimen sine lege, international standards of fair trial and procedural guarantees of the right to defense in conditions of the possibility of retrospective application of legislation that worsens the situation of a person are investigated.*

The methodological basis of the study is the totality of general scientific and private scientific methods of cognition: the formal dogmatic method was used in the analysis of the normative construction of Art. 281 of the Criminal Code of the Russian Federation and the interrelated provisions of Art. 78, 73 of the Criminal Code of the Russian Federation; a system-structural approach was used to determine the place of sabotage crimes in the system of especially grave state crimes; the comparative legal method made it possible to conduct a comparative analysis of sanctions for sabotage in the legislation of Germany and France; the doctrinal method included an analysis of scientific positions regarding the principle of individualization of punishment and the institution of limitation; empirical methods covered the study of the practice of the European Court of Human Rights.

The scientific novelty of the study lies in the comprehensive doctrinal development of the problems of balancing the interests of national security and fundamental individual rights in the implementation of the norms on the abolition of longstanding deadlines for sabotage crimes. Concrete proposals have been formulated to improve the criminal and criminal procedure legislation: introduction into Art. 10 of the Criminal Code of the Russian Federation norms on the inadmissibility of retrospective application of provisions on the abolition of statute of limitations; differentiating the possibility of probation depending on the qualifying signs of sabotage; addition of the Criminal Code of the Russian Federation to the new Art. 76.3 on exemption from liability for sabotage with active repentance; adjustment of the sanction of Part 3 of Art. 281 of the Criminal Code of the Russian Federation with the restriction of life imprisonment in cases of intentional death; establishing an increased standard of proof in sabotage cases investigated after considerable time.

Key words: *sabotage, statute of limitations for criminal prosecution, suspended sentence, life imprisonment, national security, the principle of individualization of punishment, retrospective application of the law, international standards of justice.*

Введение.

Принятие Федерального закона от 17 ноября 2025 года №420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ознаменовало существенную трансформацию уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия диверсионным преступлениям. Законодательная новелла, предусматривающая отмену института давности уголовного преследования в отношении всей совокупности преступлений диверсионной направленности, а также введение качественно новых квалифицирующих признаков с градацией санкций вплоть до пожизненного лишения свободы, детерминирует необходимость комплексного научного анализа данных нововведений через призму основополагающих принципов уголовного права. Особую значимость приобретает расширение перечня деяний, исключающих возможность применения условного осуждения, что свидетельствует о формировании репрессивного

вектора правового регулирования в данной области и требует критического осмысления с позиций доктринальных подходов к целям уголовного наказания.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью верификации соответствия указанных законодательных изменений международным стандартам отправления правосудия, закрепленным в основополагающих актах универсального и регионального характера. Институт давности уголовного преследования традиционно рассматривается в компаративистике как элемент системы процессуальных гарантий, коррелирующий с принципами правовой определенности, соразмерности государственного принуждения и запрета чрезмерного наказания. В условиях имплементации безальтернативного подхода к исключению давностных сроков возникает научная проблематика балансирования государственных интересов в обеспечении национальной безопасности и фундамен-

тальных прав личности, что требует доктринального анализа легитимности подобной законодательной модели в контексте международных обязательств Российской Федерации и универсальных стандартов справедливого судопроизводства.

Основная часть.

Статья 281 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за диверсию. Родовым объектом данного преступления выступает экономическая безопасность и обороноспособность Российской Федерации, в качестве факультативных объектов уголовно-правовой охраны следует рассматривать отношения собственности, а также жизнь и здоровье граждан. Предмет преступления носит императивный характер и определён законодателем исчерпывающим образом, включая объекты промышленной, сельскохозяйственной и энергетической инфраструктуры, инженерные сооружения стратегического значения (мостовые переходы, гидротехнические сооружения, аэродромные комплексы, портовые объекты), транспортную инфраструктуру и подвижной состав (железнодорожные магистрали, тоннельные сооружения, объекты морского и воздушного транспорта), объекты связи и телекоммуникационных систем, а также объекты жизнеобеспечения населённых пунктов (энергогенерирующие объекты, системы водоснабжения и теплоснабжения, объекты здравоохранения).

Объективная сторона диверсии характеризуется совокупностью обязательных признаков, включающих общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и причинно-следственную связь между ними. Общественно опасное деяние выражается исключительно в активных действиях, при этом диспозиция нормы содержит примерный перечень способов совершения преступления (взрыв, поджог), дополненный оценочной категорией «иные действия», которая может включать затопление, радиоактивное, химическое или биологическое заражение, кибератаки на автоматизированные системы управления, механическое повреждение критически важных элементов объектов и иные способы вывода из строя защищаемых объектов. Общественно опасные последствия материализуются в форме реального разрушения или повреждения объектов, указанных в диспозиции нормы, причём разрушение означает полное приведение объекта в состояние непригодности для целевого использования, а повреждение представляет собой частичное нарушение функциональности объекта, требующее проведения капитального ремонта или восстановительных работ значительного объёма. Причинно-следственная

связь между противоправным деянием и наступившими последствиями является обязательным элементом объективной стороны, поскольку состав преступления сконструирован по типу материального, в связи с чем момент окончания преступления связывается с фактическим наступлением указанных в законе последствий.

Субъективная сторона диверсии характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием специальной цели — подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, при этом отсутствие данной цели исключает квалификацию деяния по статье 281 УК РФ. Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Часть 2 статьи 281 УК РФ предусматривает квалифицирующие признаки, к которым относятся совершение диверсии организованной группой, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий. Часть 3 статьи 281 УК РФ содержит особо квалифицирующий признак, а именно умышленное причинение смерти человеку при совершении диверсии.

В организационной структуре вооружённых сил значительного числа государств функционируют специализированные формирования — подразделения специального назначения, предназначенные для осуществления диверсионно-разведывательной деятельности в условиях вооружённого конфликта. Реализация подобных операций предполагает применение малочисленных тактических групп, укомплектованных высококвалифицированным военным персоналом, действующих в рамках легитимного или конспиративного статуса.

Правомерность осуществления диверсионных операций в отношении воюющей стороны детерминирована совокупностью следующих юридически значимых критериев:

1. Правосубъектность исполнителей диверсионных мероприятий
2. Характеристика объектов воздействия
3. Применяемые тактические приёмы и технические средства

Согласно нормам международного гуманитарного права, субъектами диверсионных операций могут выступать исключительно комбатанты — лица, обладающие соответствующим правовым статусом в силу принадлежности к регулярным вооружённым формированиям государства (военнослужащие диверсионно-десантных подразделений, участники организованного движения сопротивления, отвечающие установленным конвенциями критериям). Лица, не обладающие статусом комбатантов, лишены правовых оснований для проведения диверсионных акций.

Объектом правомерного диверсионного воздействия признаётся исключительно материально-техническая инфраструктура военного назначения противоборствующей стороны. Юридическая допустимость диверсионных операций обусловлена строгим соблюдением принципов международного права вооружённых конфликтов, регламентирующих критерии избрания целей, а также дозволенные способы и средства ведения военных действий.

В.Н. Воронин указывает, что любые изменения уголовного законодательства должны основываться на балансе публичных интересов государства в обеспечении безопасности и частных интересов личности в защите от произвольного уголовного преследования. Отмена института давности по диверсионным преступлениям, закреплённая в новой редакции части 5 статьи 78 УК РФ, представляет собой исключение из общего правила о временных пределах уголовной ответственности, которое традиционно обосновывалось утратой социальной остроты совершённого деяния и снижением превентивного значения наказания с течением времени [1, с. 165]. Законодатель фактически приравнял диверсионные преступления к преступлениям против мира и безопасности человечества, для которых неприменимость сроков давности конституируется международным правом. Однако диверсия, предусмотренная статьей 281 УК РФ, не является международным преступлением в смысле Римского статута Международного уголовного суда, что порождает вопрос о правомерности столь радикального отступления от общих принципов уголовной ответственности. Диверсионные преступления, несмотря на высокую степень общественной опасности, направлены против национальной безопасности конкретного государства и не обладают универсальным характером, присущим геноциду или военным преступлениям [2, с. 292].

С.А. Ступина отмечала, что ретроспективное применение уголовного закона, ухудшающее положение лица, противоречит фундаментальному принципу *nullum crimen sine lege*, закреплённому в статье 15 Конституции Российской Федерации и статье 7 Европейской конвенции о защите прав человека [3, с. 431]. Первая проблема законодательных изменений заключается в потенциальной возможности ретроспективного применения положений об отмене сроков давности к преступлениям, совершённым до вступления в силу Федерального закона №420-ФЗ. Статья 10 УК РФ устанавливает правило об обратной силе уголовного закона, устраняющего преступность деяния, смягчающего наказание или иным образом улучшающего положение лица, совершившего преступление. Отмена сроков давности

объективно ухудшает положение лица, поскольку лишает его права на освобождение от уголовной ответственности по истечении установленного времени. Если на момент совершения диверсии в 2010 году действовал пятнадцатилетний срок давности, истекающий в 2025 году, применение нового закона об отмене давности фактически означает придание закону обратной силы в ухудшающую сторону [4, с. 35].

Разрешение выявленной коллизии требует внесения изменений в часть 1 статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации путем дополнения ее положением следующего содержания: «Положения настоящего Кодекса об отмене сроков давности привлечения к уголовной ответственности применяются только к преступлениям, совершённым после вступления в силу соответствующего федерального закона, предусматривающего такую отмену». Данное изменение обеспечит соблюдение принципа правовой определенности и гарантирует защиту от произвольного уголовного преследования лиц, совершивших диверсионные преступления в период действия прежнего законодательства, устанавливавшего пятнадцатилетний срок давности. Дополнительно необходимо внести изменения в статью 4 УПК РФ, дополнив ее частью 3 следующего содержания: «При производстве по уголовным делам о преступлениях, в отношении которых федеральным законом отменены сроки давности привлечения к уголовной ответственности, данные положения применяются только в случае, если преступление совершено после вступления в силу соответствующего федерального закона». Указанные изменения гарантируют невозможность обхода конституционного запрета на придание уголовному закону обратной силы, ухудшающей положение лица, через процессуальное законодательство. Параллельно следует дополнить статью 27 УПК РФ частью 9 следующего содержания: «Суд обязан прекратить уголовное дело в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, если преступление совершено до вступления в силу федерального закона об отмене сроков давности по данной категории преступлений».

А.А. Варфоломеев подчеркивает, что введение императивного запрета на применение условного осуждения должно основываться на криминологически обоснованной невозможности достижения целей наказания без реального лишения свободы [5, с. 81]. Вторая проблема заключается в расширении перечня статей, предусмотренных частью 1 статьи 73 УК РФ, к которым не применяется условное осуждение, за счет включения всех составов диверсионных преступлений без учета степени их общественной опасности и личности виновного [6, с. 53]. Законода-

тель *de facto* установил абсолютный запрет на условное осуждение по статье 281 УК РФ независимо от наличия смягчающих обстоятельств, характера и размера причиненного вреда, роли лица в совершении преступления [7, с. 170]. Данный подход противоречит принципу индивидуализации наказания, закрепленному в статьях 6 и 60 УК РФ, согласно которым наказание должно быть справедливым и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Суд лишается возможности назначить условное осуждение лицу, совершившему диверсию в форме покушения, добровольно прекратившему преступную деятельность и активно способствовавшему раскрытию преступления, что нивелирует стимулирующее значение института условного осуждения для ресоциализации осужденных.

Устранение данной проблемы требует дифференцированного подхода к возможности применения условного осуждения в зависимости от квалифицирующих признаков состава диверсии и поведения виновного после совершения преступления. Необходимо изложить часть 1 статьи 73 УК РФ в следующей редакции: «Если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. При назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства. Условное осуждение не применяется к осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также к осужденным за преступления, предусмотренные статьей 281 настоящего Кодекса, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия». Данная редакция сохраняет возможность применения условного осуждения к лицам, совершившим простой состав диверсии без квалифицирующих признаков, при наличии исключительных обстоятельств, смягчающих ответственность. Одновременно необходимо дополнить статью 64 УК РФ частью 3 следующего содержания: «При наличии исключительных обстоятельств, связанных с активным способствованием раскрытию и расследованию преступления, изобличением и уголовным преследованием других соучастников

преступления, розыском имущества, добытого в результате преступления, суд может назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или перейти к другому, более мягкому виду наказания, в том числе с применением условного осуждения к лицам, осужденным за преступления, к которым согласно части первой статьи 73 настоящего Кодекса условное осуждение не применяется».

В.В. Лунеев указывает на необходимость соблюдения баланса между карательными и восстановительными элементами уголовно-правового воздействия, отмечая, что абсолютизация репрессивных методов противоречит целям исправления осужденных [8, с. 24]. Расширение перечня деяний, исключающих условное осуждение, должно сопровождаться созданием альтернативных механизмов минимизации карательного воздействия для лиц, активно способствующих раскрытию преступлений. Необходимо дополнить главу 11 УК РФ статьей 76.3 следующего содержания: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой статьи 281 настоящего Кодекса, добровольно сообщившее о совершенном преступлении органам власти до его выявления, активно способствовавшее раскрытию и расследованию данного преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, а также возместившее причиненный преступлением ущерб или иным образом загладившее причиненный преступлением вред, освобождается от уголовной ответственности, если в результате совершения преступления не наступили тяжкие последствия». Данная норма создаст стимулы для самостоятельного прекращения преступной деятельности и сотрудничества со следствием, что соответствует международной практике применения норм о деятельном раскаянии к лицам, совершившим преступления против государственной безопасности.

Введение пожизненного лишения свободы в качестве санкции за квалифицированные составы диверсии требует анализа соразмерности данного наказания характеру общественной опасности деяния. Пожизненное лишение свободы согласно статье 57 УК РФ может назначаться за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за особо тяжкие преступления против общественной безопасности. Расширение сферы применения пожизненного лишения свободы на диверсионные преступления, не сопряженные с причинением смерти, вызывает вопросы о соблюдении принципа соразмерности наказания. Европейский суд по правам человека в решении по делу «Кафкарис против Кипра» указал, что пожизненное лишение свободы, несмо-

тря на его исключительный характер, допустимо лишь при наличии механизмов пересмотра наказания и возможности освобождения при утрате осужденным общественной опасности.

Анализ судебной практики зарубежных государств свидетельствует о различных подходах к санкциям за диверсионные преступления. В Федеративной Республике Германия параграф 87 Уголовного кодекса, предусматривающий ответственность за саботаж объектов обороны, устанавливает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до пятнадцати лет, не предусматривая пожизненного заключения [9, с. 22]. Во Французской Республике статья 411-8 Уголовного кодекса за саботаж объектов национальной обороны устанавливает максимальное наказание в виде тридцати лет лишения свободы [10, с. 107]. Данная практика свидетельствует о необходимости дифференциации санкций в зависимости от наступления последствий в виде гибели людей. Необходимо внести изменения в санкцию части 3 статьи 281 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо пожизненным лишением свободы в случае, если деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекли умышленное причинение смерти человеку». Данное изменение обеспечит соразмерность наказания характеру преступления и приведет российское законодательство в соответствие с международными стандартами.

Профессор А.В. Наумов подчеркивает, что процессуальные гарантии справедливого судебного разбирательства приобретают особое значение при расследовании преступлений, по которым отменены сроки давности. Отсутствие временных ограничений для уголовного преследования создает риски нарушения права на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки, гарантированного статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека. Расследование диверсионных преступлений, совершенных десятилетия назад, сопряжено с объективными сложностями в собирании доказательств: свидетели могут быть недоступны в силу возраста или смерти, документальные доказательства утрачены, вещественные доказательства деградированы. Необходимо внести изменения в статью 73 УПК РФ, дополнив ее частью 3 следующего содержания: «По уголовным делам о преступлениях, в отношении которых федеральным законом отменены сроки давности уголовного преследования, если со дня совершения преступления прошло более двадцати лет, обвинительный приговор не может быть основан на недопустимых доказательствах, а также на доказатель-

ствах, достоверность которых вызывает обоснованные сомнения вследствие значительного промежутка времени, прошедшего с момента совершения преступления». Данная норма обеспечит повышенный стандарт доказывания по делам о диверсиях, расследуемых спустя длительное время.

Заключение.

Таким образом, законодательные изменения, предусмотренные Федеральным законом №420-ФЗ от 17 ноября 2025 года, отражают стремление государства к усилению уголовно-правовой защиты национальной безопасности в условиях возрастания угроз диверсионной деятельности. Отмена сроков давности по диверсионным преступлениям соответствует международной практике неприменения временных ограничений к наиболее тяжким государственным преступлениям и отвечает потребностям обеспечения эффективного противодействия деятельности иностранных спецслужб на территории Российской Федерации. Вместе с тем, выявленные проблемы ретроспективного применения законодательства и абсолютизации репрессивных методов воздействия требуют корректировки законодательства в целях обеспечения баланса между интересами государственной безопасности и гарантиями прав личности. Предложенные изменения статей 10, 64, 73 УК РФ, дополнение Кодекса статьей 76.3, а также изменения статей 4, 27 и 73 УПК РФ обеспечат соблюдение принципов правовой определенности, индивидуализации наказания и справедливого судебного разбирательства, что приведет российское законодательство в соответствие с международными стандартами прав человека при сохранении эффективности борьбы с диверсионной деятельностью, угрожающей конституционному строю и безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Воронин, В. Н. Разграничение принципов справедливости и индивидуализации при назначении наказания и их влияние на качество уголовного закона / В. Н. Воронин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 3 (25). – С. 169–179.
- [2] Кудратов, Н. А. К определению понятия «диверсия» и ее объекта / Н. А. Кудратов // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2018. – № 9. – С. 289–294.
- [3] Ступина, С. А. Характеристика диверсии в контексте криминологической проблематики: состояние и динамика / С. А. Ступина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 7(194). – С. 431–433.

[4] Садовников, А. В. Отражение принципов общественной морали в современном международном публичном праве / А. В. Садовников // Юрист спешит на помощь. – 2023. – № 1. – С. 34-36.

[5] Варфоломеев, А. А. Пределы квалификации террористических преступлений на международном и национальном уровне / А. А. Варфоломеев // Государство и право. – 2012. – № 9. – С. 79-85

[6] Грачева, Ю. В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства : Учебное пособие для магистрантов / Ю. В. Грачева, В. В. Палий. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. – 104 с.

[7] Давитадзе, М. Д. Уголовная ответственность за диверсию / М. Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 169-173.

[8] Давыдов, В. Н. Военно-политические черты международного терроризма / В. Н. Давыдов, М. Су // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 1(6). – С. 21-36.

[9] Серебренникова, А. В. Уголовное право Германии : Учебное пособие / А. В. Серебренникова. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 124 с.

[10] Повалий, С. И. Основные тенденции в эволюции уголовного права Франции в новое и новейшее время / С. И. Повалий // Закон и власть. – 2024. – № 2. – С. 106-110.

References:

[1] Voronin, V. N. Distinction between the principles of justice and individualization in sentencing and their impact on the quality of criminal

law/V. N. Voronin//Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2014. – № 3 (25). – S. 169-179.

[2] Kudratov, N. A. To the definition of the concept of “sabotage” and its object/N. A. Kudratov// Bulletin of the Tajik National University. Socio-economic and social sciences series. – 2018. – № 9. – S. 289-294.

[3] Stupina, S. A. Characterization of sabotage in the context of criminological problems: state and dynamics/S. A. Stupina//Eurasian Law Journal. – 2024. – № 7(194). – S. 431-433.

[4] Sadovnikov, A.V. Reflection of the principles of public morality in modern international public law/A.V. Sadovnikov//A lawyer hurries to help. – 2023. – № 1. – S. 34-36.

[5] Varfolomeev, A. A. Limits of qualification of terrorist crimes at the international and national level/A. A. Varfolomeev//State and law. – 2012. – № 9. – S. 79-85

[6] Gracheva, Yu. V. Qualification of crimes against the foundations of the constitutional system and state security: Textbook for undergraduates/Yu. V. Gracheva, V. V. Paliy. – Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2019. – 104 s.

[7] Davitadze, M. D. Criminal liability for sabotage/M. D. Davitadze//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3. – S. 169-173.

[8] Davydov, V.N. Military-political features of international terrorism/V.N. Davydov, M. Su//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2006. – № 1(6). – S. 21-36.

[9] Serebrennikova, A. V. Criminal Law of Germany: Textbook/A. V. Serebrennikova. – 1st ed.. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. – 124 s.

[10] Povaliy, S. I. The main trends in the evolution of French criminal law in modern and modern times/S. I. Povaliy//Law and power. – 2024. – № 2. – S. 106-110.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.